

*Следует помнить, что всякое художественное
произведение является плодом вымысла.*

ΠΡΟΛΟΓ

Он стоял и смотрел на глобус, который на его глазах наливался нежно-розовым светом и становился похожим на теплый минерал, имеющий сложную слоистую структуру. Эти жилки мысленно перенеслись на разлинованную голубым и охристо-желтым поверхность и теперь напоминали ярко-алые нити, подобные мышцам человека в анатомическом атласе. Глобус уже терял свои привычные очертания и превращался в шар, пронизанный алым током. Но это был тревожный алый цвет, ничуть не напоминающий мирный закат, напротив, один уже оттенок этого цвета внушал чувство смутного беспокойства и тревоги.

— Вар-рава, — говорил он хриплым гортанным голосом — Иешуа Га-Ноцри... И с каждым слогом голос его креп.

Еще немного, и он запел бы арию из оперы «Фауст». Но стояло раннее утро, и он боялся разбудить жену, которая спала в соседней комнате. Но от избытка чувств хотелось петь или ходить бодрым шагом.

Теперь он знал, как ему сделать ту самую ключевую сцену романа, более того, он знал, что в ней будет зашифрован тайный код, благодаря которому можно изменить мир, но об этом никто не узнает раньше времени. Он об этом позаботится.

Он с детских и юношеских лет любил разного рода тайны, шарады. О, как он любил спрятать внутри слова еще один тайный смысл, или набор слогов, которые только предстоит разгадать. И вот теперь ему нужно зашифровать загадку, которую смогут обнаружить немногие. Если вообще доберутся до нее.

Теплый утренний свет лизнул окна, и они налились как елочные золотистые шары.

Ну что ж! Ему осталось только воплотить свой замысел в жизнь. И чем скорее, тем лучше...

ГЛАВА 1

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

*Москва, какой огромный,
Странноприимный дом,
Всяк на Руси бездомный,
Мы все к тебе придем.*

Марина Цветаева

МОСКВА. НАШИ ДНИ

Она смотрела, как самолет, медленно кружа, приземляется в аэропорту — вдали горела ровная полоса огней, молодая женщина перевела взгляд на пассажиров — они сидели притихшие, ожидая завершения длинного рейса.

Лица в неярком свете были как на старинных полотнах — бледно-восковые и вытянутые, словно на них уже легла печать смерти.

Это ожидание последних минут чаще всего было особенно невыносимым. Мысленно все уже находились там — в аэропорту, среди встречающих, со своими хлопотами и заботами, которые наваливаются на пассажира в момент прибытия.

И тут в салоне самолете погасли огни.

Мысленно она молилась, это стало у нее привычкой последних лет; после того, как один друг — умерший — пояснил ей, что молитва в такие мгновения скрашивает время ожидания. Ты ведешь диалог с богом, и тебе не до земных дел и забот.

«А кроме того, — прибавил он, — это крайне полезная психотерапевтическая вещь, и это тоже не следует сбрасывать со счетов. Вообще господь бог — лучший психолог и психотерапевт в одном лице. Если что, настоятельно рекомендую».

Женщина невольно улыбнулась, вспомнив эти слова. Но тут же нахмурилась, человек был мертв, и воспоминания о нем были болезненными.

Она откинулась назад и беззвучно повторяла про себя слова молитвы «Отче наш».

Впереди нее тоже молились, женщина прислушалась к бормотанию. Молились на итальянском языке, точнее латыни... Это была молитва Богородице...

Голос был мужским: страстным, убежденным. Ей внезапно захотелось посмотреть в лицо молившемуся, так бывало, когда она еще в детстве пыталась представить себе окружающих людей со спины или по одному голосу. Когда воображаемый образ хоть немного совпадал с реальным, она радовалась, словно решила трудную головоломку.

Самолет кружил и кружил над аэропортом, словно раздумывая, где лучше приземлиться. Это удивляло, потому что ничего не предвещало никаких сюрпризов. Полет прошел нормально, и оставался последний штрих... — посадка.

Она откинулась назад, и здесь самолет резко и неприятно тряхануло, женщина вжалась в кресло и ощутила, что голодна: в желудке урчало, мысленно перед ней возник бокал красного вина и хороший сыр... она устала, да... Все-таки перелет, длившийся через Атлантику, ее вымотал.

Самолет мощно загудел, пассажиры ощутили тяжелую вибрацию, машина взмыла на краткое мгновение вверх, потом амплитуда пошла вниз... со скрежетом шасси коснулись земли, и авиалайнер покатился по взлетной полосе... Через некоторое время вспыхнул свет, раздались аплодисменты. Правда, она читала, что летный экипаж страшно раздражают эти хлопки, но вслух своего недовольства никто не высказывает.

На борту самолета разом возник шум, и все пришло в движение. Люди стали спешно снимать свои пакеты и сумки с верхних полок и торопиться к выходу. Она поднялась и сняла с полки небольшой рюкзак и пакет. Раздался звонок мобильного.

— Ты здесь? — услышала она в трубке мужской голос.

— Да, мы только что совершили посадку, скоро буду дома.

— Жду. Интересно, узнаешь ли ты меня, — в голосе мужчины послышалась легкая ирония. — И почему ты не захотела, чтобы я тебя встретил.

— Хочу привыкнуть к Москве в одиночестве.

— Это твое право, тогда до завтра. Звони утром, — легкая пауза и щелчок, потом — частые гудки.

Тряхнув волосами, она встала в очередь к выходу: здесь образовалась небольшая давка, все торопились выйти на свежий воздух, утомившись полетом.

Екатерина Сыромятникова никуда не торопилась. Ее никто не встречал, и поэтому она могла позволить себе роскошь задержаться на несколько минут подольше, чем остальные пассажиры. Она прикрыла глаза, чтобы не видеть людскую толчею. Когда открыла — очередь уже заметно поредела. Женщина включила мобильный, и на дисплее возникло лицо отца. Он улыбался, словно хотел подбодрить Екатерину и сообщить, что все в порядке и ничего плохого случиться с ней не может, пока он рядом.

«Да-да, папочка, — мысленно послала она ему сигнал, — я приехала в Москву, и все в порядке».

Вот только ее отца не было в живых уже как три года. Следом за ним ушла и мать. Екатерина скучала по родителям, особенно по отцу, и с годами все чаще ощущала, как ей его не хватает. Интересно, как он отнесся бы к тому, что она сейчас прилетела в Москву, в которой